
НАСЛЕДИЕ В.И. ВЕРНАДСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА
(к 150-летию великого ученого)

УДК

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ВЕРНАДСКИЙ И ГЕОГРАФЫ
(Избранные места из переписки)

© 2013 г. Т.Д. Александрова

Институт географии РАН

Поступила в редакцию

Приоткрыты некоторые неизвестные стороны деятельности В.И. Вернадского, его научного общения и сотрудничества с выдающимися географами. Основой данной статьи стала переписка Вернадского, хранящаяся в Архиве РАН. Отрывки из писем или краткое изложение их содержания добавляют небольшие новые штрихи к биографии великого ученого и испытателя. Рассказано о переписке с Д.Н. Анучиным, у которого в 2013 г. отмечается 170-летний юбилей, Л.С. Бергом, А.А. Григорьевым (130 лет со дня рождения), А.Н. Красновым (150 лет – в 2012 г.), В.В. Докучаевым (110 лет со дня смерти), о письмах В.Ю. Визе, Г.В. Высоцкого, Л.И. Прасолова, В.П. Семенова-Тян-Шанского, Г.И. Танфильева, Ю.М. Шокальского.

О влиянии идей В.И. Вернадского на развитие географии написано довольно много [1, 3, 14, 18, 21 и др.]. Некоторые неизвестные аспекты сотрудничества Вернадского с географами разных направлений приоткрываются при чтении писем известных географов, хранящихся в Архиве РАН в фонде В.И. Вернадского (Ф. 518).

Среди них письма Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923), Льва Семеновича Берга (1876–1950), Владимира Юльевича Визе (1886–1954), Андрея Александровича Григорьева (1883–1968), Андрея Николаевича Краснова (1862–1914), Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского (1870–1942), Юлия Михайловича Шокальского (1856–1940); географов-почвоведов Василия Васильевича Докучаева (1846–1903), Гавриила Ивановича Танфильева (1857–1928), Георгия Николаевича Высоцкого (1865–1940), Леонида Ивановича Прасолова (1875–1954) и других натуралистов, связанных с географическими исследованиями.

В детстве Вернадский “читал с жадностью все, что попадалось под руку... в эти первые годы я особенно помню разные географические книги, не только путешествия, но даже и довольно сухие и, казалось, малодоступные для моего возраста” [20]. В своих ранних работах он немало внимания уделял географии – ее истории [12], изучению природных ресурсов [5, 6], карт России [9]. Вернадский был избран действительным членом Императорского русского географического общества в декабре 1911 г.

А.Н. Краснов – первый заведующий кафедрой географии Харьковского университета был другом В.И. Вернадского с гимназических лет (Ф. 518. Оп. 3. Д. 848–856; 124 письма за 1878–1913 гг.). В письмах 1888 г. они обменивались мыслями о географии [16].

“Дорогой В.И., перечитывал еще раз твое письмо и все более и более с ним не соглашаюсь. Мне кажется, ты имеешь весьма неясное представление о географии, и если бы ты начал читать курс этой науки, то на деле у тебя вышло бы попури из двух факультетов: естественного и филологического. Чтобы раз навсегда поставить нашу переписку на правильную почву, я позволю себе изложить мой взгляд на географию и ее преподавание. Если этот взгляд ложный, то, мне кажется, лучше теперь же, пока не поздно, отказаться от географии и заняться ботаникой... Я представляю себе занятия географией так: 1) Лекции. Они необходимы. Распадается мой курс на три части: *Erdkunde*, *Länderkunde Eurasiens*, *Länderkunde* остальных пяти частей света” [16, с. 118]. Далее Краснов подробно пишет Вернадскому, как он представляет себе характер лекций и коллоквиумов по этим основным направлениям, и заключает: “География – есть философия естествознания. ...Она одна открывает новые горизонты, которые часто затемняются в чисто систематических науках... Так я понимаю мою задачу. Если, по-твоему, она неисполнима, лучше бросить ее скорее, как утопию, и обратиться на более скромное поприще” [16, с. 121].

“Затем, я нахожу, что ты смешиваешь антропологию с географией... Методы антропологии географу не нужны, как ему не нужны методы физиологии или систематика растений. Ботаника, зоология, петрография и антропология суть самостоятельные науки; географ пользуется их выводами, сопоставляет их данные, но быть специалистом во всех этих науках он не может. Географу должны быть знакомы выводы сравнительной филологии, но неужели же он должен уметь говорить по-китайски? То же и с антропологией. Ты скажешь, что для того, чтобы судить об антропологии, надо знать ее методы. Да, иметь об них понятие, но не учить им” [16, с. 122].

“Со взглядом твоим на преподавание географии я вполне согласен, хотя считаю направляющие лекции нелишними. ...Напрасно ты так критикуешь мой образ действий. Я, во-первых, не социал, а физико-географ. Я в данную минуту хлопочу всего более о том, чтобы дать себе возможно лучшую подготовку в области физической географии, – это мой базис” [16, с. 123].

“Я очень рад, что мы сталкиваемся относительно географии, и замечу тебе, что для меня германские университеты, т.е. лекции, а не университеты, *abschreckendes Beispiel*, и я далек от мысли переносить их преподавание к нам. ...Ты, по-видимому, не понял, что я разумею под *Länderkunde*. ...*Erdkunde* – это геофизика, *Länderkunde* для материков, своего рода океанография морей” [16, с. 124].

“Дорогой Вл.И. Если б я представлял себе географию так, как ты ее обрисовал в своем письме, то я никогда бы не вздумал бросать ботанику и заниматься этой наукой, так как она сплошь по твоей программе состоит из тех отраслей знания, которые для меня *terra incognita* и которые в течение года изучить для преподавания невозможно... Однако, задачи географической кафедры совершенно иные, и той географии, о которой говоришь ты, никто, нигде не читает – ее надо создать, выдумать, а для этого года мало” [16, с. 124–125].

“Я понимаю географию совершенно иначе, чем ты. ...У тебя человек играет слишком много времени. Мне же кажется выяснить развитие страны и ее природу не менее важно. Человек же есть следствие этой природы”. “Я готовлю из себя физико-географа в твоем смысле слова. Человек входит в мою программу только как объект физических сил. ... Для меня человек составляет маленький отдел антропогеографии, где при *Länderkunde* у меня должно излагаться влияние на быт, строй жизни и развитие религии, общест-

ва и густоты населения внешних условий страны, физические элементы которых разобраны. Эти вопросы должны излагаться в связи с физической географией, так как они тесно с ней связаны и без нее не ясны. ...Эта физическая этнография должна составлять часть физической географии. Твой же профессор есть географ человеческих обществ, ему для этого только нужны элементы физической географии, базис его знания антропология, статистика, социология, филология, даже история литературы, *Welthandel*, пути сообщения и т.п.” [16, с. 125–126].

“Я считаю изучение России важнее. Но чтобы создать твою кафедру отечествоведения, надо сперва изучить и исследовать Россию” [16, с. 127].

После кончины А.Н. Краснова В.И.Вернадский [7, 8, 13] написал о своем друге: “Я следил всю его жизнь за этой работой, с которой не раз переплетались и мои научные интересы... Краснов пытался дать новый вид географическим обобщениям, давая свою, очень оригинальную попытку рассмотреть облик Земли как проявление единого космического процесса, причем для него человеческая культура неразрывно сливалась с другими проявлениями жизни природы. В этом направлении Краснов был одним из немногих у нас искателей географического синтеза, того течения мысли, который так ярок у крупных географов”.

Переписка В.И.Вернадского и В.В.Докучаева (Ф. 518. Оп. 3. Д. 538, 539). Студентом В.И. Вернадский слушал лекции В.В. Докучаева по кристаллографии и минералогии, в 1883 г. участвовал с ним в экспедиции в Нижегородской области, а в 1890 г. под руководством Докучаева провел комплексное обследование в Полтавской губернии. Общность научных интересов тесно сблизила Докучаева и Вернадского, они много писали друг другу, часть их писем опубликована [19]. Первые письма относятся к периоду пребывания Вернадского в Мюнхене 1888 г., где он повышал свое образование. В письмах Вернадский подробно рассказывал о содержании своих работ, геологических экскурсиях, поездках в Швейцарию и Англию, новинках зарубежной литературы, своих наблюдениях над горными почвами. Писал он Докучаеву и о своих мыслях в области кристаллографии, о возникших у него идеях о полиморфизме в природе.

В 1889 г. Вернадский был представителем Докучаева на Парижской выставке; в письмах они обсуждали детали устройства выставки. Весной и летом 1890 г. письма были посвящены организации и методике полевых исследований в Кре-

менчугском уезде Полтавской губернии. Письма периода 1897–1900 гг., когда Докучаев тяжело заболел, показывают глубокую дружбу и уважение, которые их связывали. Вернадский поддерживал в своем учителе надежду на возможность дальнейшей работы. Докучаев в письме 30 марта 1901 г. пишет: “Я представляю из себя совершенную развалину... чем все это кончится, страшно и подумать, дорогой, навеки незабвенный для меня Владимир Иванович... Еще раз простите меня, и вероятно и прощайте, бесконечно дорогой и святой Владимир Иванович” [19]. Через год после смерти Докучаева в журнале “Научное слово” была опубликована посвященная его памяти большая статья В.И. Вернадского [4, 13].

Переписка В.И. Вернадского и Д.Н. Анучина. Они познакомились, видимо осенью 1890 г., когда В.И. Вернадский стал приват-доцентом на кафедре минералогии на физико-математическом факультете Московского университета, где Д.Н. Анучин возглавлял кафедру географии. В Архиве РАН хранится 20 писем Анучина за 1894–1917 гг. (Ф. 518. Оп. 3. Д. 55), а в отделе рукописей Российской государственной библиотеки лежит 6 писем Вернадского за 1913–1915 гг. (Ф. 10. Папка 11. Д. 281–286).

Большинство писем посвящено организационным вопросам, реже истории географии. 26 декабря 1894 г. Анучин приглашает Вернадского зайти осмотреть новые коллекции – доисторические и минералогическую. 15 ноября 1901 г. Анучин пишет о заседании ОЛЕ (Об-во любителей естествознания) в Политехническом музее, посвященном памяти А.О. Ковалевского. “Желательно, чтобы в это заседание пожаловали Вы и Ваши помощники как люди наиболее компетентные в этом вопросе”.

10 сентября 1904 г. Анучин просит Вернадского выступить с сообщением на годовичном собрании ОЛЕ, по каким-либо общим вопросам естествознания.

В январе 1906 г. Анучин пишет Вернадскому, который с 1904 по 1911 г. состоял членом Комиссии Московского университета [17], одно время был помощником ректора: “Так как я уехал за границу, не получив еще определенного разрешения из Министерства, то я покорнейше просил бы Вас не оставить меня уведомлением с какого именно числа разрешен мне двухмесячный отпуск, чтобы я мог иметь это в виду для деятельности”. Он просит написать ему о планах занятий в грядущем полугодии; о новостях в университете, просит “покорнейше ...не оставить Вашим любезным вниманием вопрос о

временном помещении для Антрополог. и Геогр. музеев в ст. здании ун-та”.

10 сентября 1910 г. Анучин пишет: “В виду необходимости подготовить научное заседание ОЛЕ 15 октября с.г. и принимая во внимание, что Вы, отказывая мне в прежние годы в выступлении у нас, не лишали меня надежды видеть Вас на кафедре зала Политехнического музея в одном из следующих годовичных заседаний, я позволил себе обратиться к Вам с почтительнейшей просьбой – не представите Вы на сей раз возможность почтить нас в предлагаемом научном собрании общества речью или сообщением на одну из проблем общества и доступной для простых смертных темы, чем оказали ли бы великую услугу обществу и вызвали ли бы чувство глубокой благодарности”.

20 октября 1913 г. Анучин сообщает Вернадскому, что тот единогласно избран в число почетных членов ОЛЕ. “Я извещаю Вас частным образом и делаю это с большим удовольствием, что считаю себя много обязанным Вам. Именно благодаря особенно Вам, заведываемые мною Антропологический и Географический музеи могли найти себе приют в самом здании университета, хотя и разваливающемся...”.

Вернадский отвечает 26 октября 1913 г.: “Очень благодарю Вас за Ваше любезное письмо и за избрание в почетные члены Общества Любителей Естествознания. ... Я был в Америке летом, когда праздновался частным образом Ваш юбилей и, не зная времени, не мог на него отозваться. Мне хочется теперь написать несколько слов – годы идут и едва ли можно нам, прошедшим через *notoiriété*, радоваться их быстрому течению и поздравлять себя с этим нечего. Но я думаю при смене лет можно оглядываться на прошлое и я думаю, что Вы со спокойствием и ясным сознанием можете смотреть на созданную Вами в прошедшие годы непрерывную культурную и научную работу. Позвольте и мне присоединить свой голос к общим выражениям почтения к Вашей деятельности”.

В январе 1914 г. несколько больших писем посвящено планам и проектам создания естественноисторических музеев в Москве и Санкт-Петербурге. Отрывки из них приведены ниже.

“Глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич. Я просил Ал. Петр. Павлова (*известного геолога*) переговорить с Вами по вопросу о возможности создания естественноисторической науки музея в Москве. ...Мне очень хотелось бы знать 1) почувствуете ли Вы превращению университетских естественноисторических музеев (в т.ч. и географ.) в публичные и 2) не отказались бы Вы приехать обсудить это дело в Петербурге. Я думаю,

что Москве давно не достает естественноисторического музея, музея настоящего, а для России одного Петербургского (академич.) мало”.

«Высокоуважаемый Владимир Иванович. Я посылаю Вам сегодня два номера “Русских ведомостей”, где помещена моя статья о Национальном музее в Москве. Из этой статьи Вы можете видеть, какие я высказал в ней опасения относительно судьбы проекта. Опасения мои сводятся к тому, что раз в Петербурге назначена Комиссия, Петербург постарается провалить с треском проект, идущий из Москвы. Опасения мои оправдываются. ...Даже назвать проект национального музея “легкомысленным”...

На вопрос Ваш могу ли я принять участие в совещании, которые предположены под Вашим председательством в Москве, позволяю себе сообщить Вам, что приложу все старания и сочту своим долгом, так как вопрос идет о развитии и пополнении в Москве естественноисторических, географических и этнографических собраний, чему я могу только сочувствовать. Отсюда не могу я быть также против доступности университетских музеев для публики, тем более что и фактически, как зоол. музей так и заведомый мною антропологический посещаются публикой, особенно экскурсиями молодежи из Москвы и провинции».

«Многоуважаемый Дмитрий Николаевич. Получив Ваше письмо, я хочу тотчас на него ответить. Я читал Ваши статьи в “Русских ведомостях” и совершенно не согласен с тем, что Вы думаете – об отношении Москвы и Петербурга. ...Я очень жалею, что в частном письме к А.П. (Павлову) употребил выражение “легкомысленного” ...это действительно мое мнение, и я, к сожалению, не могу дать иной оценки тому проекту, который был там представлен. Больше всего меня смущало и смущает в нем отсутствие или неопределенность научного базиса будущего музея. ...Мне представляется, что указания на трения Москвы–Петербурга и объяснения этим неудачи Московского проекта ...не отвечает действительности. Я думаю дело гораздо проще: проект неудачно написан и составлен и его не сумели защитить. Зачем искать других причин – когда и этих вполне достаточно?

...совершенно не согласен с Вами, чтобы университетские коллекции из-за преподавательских соображений не могли лечь в основу Национального Естеств. Музея в Москве... Если и другие московские профессора последуют Вашему примеру – вопрос об естественноисторическом музее в Москве будет снят с очереди в совещании и

едва ли тогда попадет в проект, вносимый в Думу. Я лично буду считать это с точки зрения вековой жизни Московского ун-та ошибкой – но я и теперь считаю ошибкой многое, что там делается».

Разногласия по “музейному делу” не прервали контактов двух ученых. 17 мая 1914 г. Анучин сообщает о получении корректорских листов из типографии, о найденных им ошибках, своих замечаниях. Задаёт несколько вопросов относительно дел в Академии, радуется, что Вернадский “продолжает энергичный разворот в области Вашей науки”.

В июне 1914 г. Вернадский сообщает о высылке Анучину ряда книг, благодарит за полученные издания. Анучин признателен Вернадскому “за любезное распоряжение о высылке мне с кн. склада АН желательных мне изданий. ...Последнее время мне приходится редактировать текст переводной книги А. Гумбольдта... Между прочим, мне интересно было бы узнать – что помещено из трудов Гумбольдта в издания Академии наук и нет ли в ее Архиве писем Гумбольдта... Не можете ли Вы поручить кому-нибудь навести справки”.

29 декабря 1914 г.: «Глубокоуважаемый Владимир Иванович. Премного благодарен Вам за Вашу неоскудевающую в отношении ко мне доброту и любезность. ...О профессоре Гумбольдте и об его поездках по России я добыл довольно много данных (отчасти в биографии Гумбольдта, а также в разных заметках и воспоминаниях)... Ввиду Вашей искренней любезности я решаюсь просить у Вас разъяснения по следующему вопросу. Во время поездки Гумбольдта (но не при нем) были найдены в развалинах у Бисерского завода алмазы. Кокшаров в этом усомнился, но Гумбольдт убедил в его письмах, что сомнений быть не может. В воспоминаниях Кокшаров (1890 г.), пишет, что эти алмазы кто-нибудь подбросил, ибо де за 60 лет после того никаких алмазов на Урале не находили. Но в одной из статей в “Отеч. Зап.” (1843 г.) говорится, что алмазы были найдены на Урале. Вот мне и интересно знать, кто же прав... были действительно алмазы на Урале. И известны ли случаи находки их за последние 50 лет?

Еще вопрос. Не было ли какого предложения Академии со стороны Министерства об исключении из числа членов германских и австрийских подданных? (*Шла первая мировая война – Т.А.*) Не известно ли Вам что-то в этом отношении относительно других ученых обществ, и как теперь поступит Академия? Всего лучшего! С наступающим Новым Годом. Ваш Д. Анучин».

11 января 1915 г. Вернадский отвечает: «Об алмазах на Урале Кокшаров в своих мемуарах со-

вершенно не прав. Литературу и данные Вы найдете в моем “Опыте описательной минералогии”, СПб, 1908–1914. Алмазы на Урале есть, и исследование их является очень благодарной задачей. ...Вопрос об иностранных членах в Академии не рассматривался в официальном собрании. ...ни в Минералогическом, ни в Географическом обществе...».

19 января 1915 г. Анучин искренне благодарит Вернадского за письма и газеты, высланные ему для пользования, а также “за указание относительно уральских алмазов”.

Переписка В.И. Вернадского и Л.С. Берга. Л.С. Берг студентом естественного отделения физико-математического факультета Московского университета (1894–99 гг.) слушал лекции доцента В.И. Вернадского по кристаллографии и минералогии. Затем им довелось вместе работать в таких академических структурах как КЕПС и КИЗ. Они очень уважительно относились к делам друг друга, а Л.С. Берг был первым, кто написал статью о значении трудов Вернадского для географии [3]. Сохранилось 29 писем Л.С. Берга за 1921–1944 гг. и 3 копии писем В.И. Вернадского к нему (Ф. 518. Оп.3. Д. 127).

Первое письмо от Берга от 14 августа 1921 г., в котором он сожалеет, что завтра не сможет быть у Вернадского, так как уезжает в Москву по делам. 22 марта 1922 г. Берг из Москвы сообщает Вернадскому «сведения относительно карт, заказанных для моего очерка “История географической науки в России”. Карты готовы, остается их напечатать в количестве 2200 экземпляров. Задача теперь заключается в том, чтобы побудить Военно-топографическое управление напечатать карты и доставить их в Петербург. ...если в течение ближайшего времени карты не будут готовы, то все бесконечные хлопоты по этому делу, бесчисленные мои поездки в Москву из-за этих карт – все это пропадет зря. ...Вы не можете себе представить, глубокоуважаемый Владимир Иванович, сколько времени и разговоров потратил я на эти карты».

«3 июня 1926 г. Посылаю мою рукопись “Очерк истории русской географической науки”. Исправления карандашом сделаны цензурой Государственного Издательства. Наконец посылаю две мои работы по истории русских географических открытий, которых у Вас, кажется, нет: 1) об экспедиции Беринга и 2) об Алеутских островах».

«11 октября 1926 г. С благодарностью возвращаю Вам Рудницкого “Историю земледелия”. Высылаю Вам английское издание номогенеза

(книга Л.С. Берга, вышедшая на русском языке в 1922 г.). Когда просмотрите его, можно передать в КЕПС, в бюро библиографии».

«20 января 1927 г. А.А. Григорьев просил меня сообщить Вам мой отзыв о С.В. Бернштейн-Когане. ...Он выдающийся экономист, специалист по экономической географии. Его книга “Очерки экономической географии” – есть выдающееся явление в нашей литературе. Это строго научное произведение. Что касается личности Сергея Владимировича, то это глубоко порядочный человек».

В письме от 13 мая 1927 г. Берг рассказывает, что «он просил написать статью о книге “Биосфера” Б.М. Миткова (в Москве), но тот продержал посланную ему книгу два месяца и ничего не написал. Теперь я прошу зоолога Н.Я. Кузнецова... Если и он не напишет, то это сделаю я».

Спустя много лет – 12 июля 1942 г. В.И. Вернадский беседовал с Л.С. Бергом о книге “Биосфера”. Берг сказал, что “Биосфера” стала классической. Ряд ее идей глубоко вошли в жизнь... она вошла в сознание наших биологов, в миропредставление и обезличилась. Если бы было издано второе издание – то оно сейчас разошлось. Книжка и сейчас, через 16 лет, читается [10, с. 29].

«1 марта 1935 г. ...Примите мою сердечную благодарность за любезную присылку Вашей замечательной книги “Очерки геохимии”. Она мне как раз теперь очень пригодилась, и именно в первом издании для одной небольшой работы, которую я теперь пишу».

«25 декабря 1939 г. ...Сердечно признателен Вам за любезную присылку Вашего замечательного труда “Проблемы биогеохимии II”. Я прочитал эту книгу с величайшим интересом. ...Ваше глубоко верное положение, что ошибочно противопоставлять организм – среде, как будто это два независимых объекта. Я с Вами совершенно согласен и думаю, что этой ошибки я не делал – по крайней мере как географ (см. напр. мои “Ландшафтно-географические зоны”). ...Вы пишете, что огромное большинство живых тел в отличие от косных меняется в своей форме эволюционного процесса и переходит в другие видовые или родовые живые вещества. Я сказал бы не “огромное большинство”, а все живые тела... Я убежден, что ни один организм не остался неизменным с палеозоя... Желаю Вам на наступающий 1940-й год здоровья и сил. Ваш ум находится теперь в состоянии творческого расцвета, и мы будем с нетерпением ждать выхода в свет III и IV выпусков “Проблем геохимии”».

«8 мая 1940 г. ...Сердечно признателен Вам за присылку Вашего замечательного труда “О количественном учете химического атомного строения биосферы”, который я прочитал с величайшим интересом. ...В Вашей новой работе, как всегда, ряд поразительных по смелости и широте охвата, идей и обобщений. Особенно большое впечатление произвело на меня Ваше указание на то, что гранитная оболочка есть производное биосферы. Теперь придется многое пересмотреть в геологии и палеонтологии. Еще раз от души благодарю Вас за присылку Вашей работы».

16 мая 1940 г. Берг обращается с просьбой помочь своей аспирантке Р.Л. Золотницкой, работающей над темой “Северцов как географ”, поскольку Вернадский в настоящее время единственный из натуралистов, знавший лично Северцова. “Простите великодушно, что беспокою Вас и отнимаю время такого рода просьбами. Но позволил себе обратиться к Вам, зная Ваш интерес к истории знаний”.

28 ноября 1940 г. Берг пишет о том, что известный немецкий географ Пенк (Penk) в статье “*Neue Geographie*” (Новая география, 1928). «предлагает под именем хоры понимать территорию (ландшафт) далее неделимую с одинаковыми формами и одинаковыми функциями. ...Я с Вами весьма согласен в том, что термин ландшафтная зона весьма неудачен. ...Я получил Вашу работу “Проблемы биогеохимии IV”. Это замечательное произведение, и я чрезвычайно признателен Вам за присылку его, а равно и Ваши “Биогеохимические очерки”, которые я перечитал с величайшим удовольствием, изумляясь как всегда, глубине и новизне Ваших идей. С нетерпением буду ждать выхода в свет V выпуска “Проблемы биогеохимии”. ...Если у вас нет под руками моих “Ландшафтно-географических зон”, черкните, и я тотчас Вам вышлю экземпляр».

Во время войны с осени 1941 г. и Вернадский, и Берг жили в эвакуации в Казахстане в санатории Боровое. Они довольно часто и разнообразно общались, что видно из дневников Вернадского [11]. Во время войны они стали не только коллегами, но и друзьями, и в письмах кроме обращения “глубокоуважаемый” появилось “дорогой”. После эвакуации переписка возобновилась.

Вернадский – Бергу: “7 апреля 1944 г. Давно собирался Вам написать, не имею от Вас никаких известий. Выборы в геолого-географическое отделение прошли плохо. ...Я Вас предложил в академики геолого-географического отделения, но присутствовать на выборах я не мог. Я подал протест в Президиум.... Придется ждать следую-

щих выборов”. Сообщает о выходе новой книги своего сына Георгия “История Древней России”.

27 апреля 1944 г. Берг пишет Вернадскому о завершении своих работ, о том, что во всех них он руководствовался идеей Вернадского о громадной геохимической роли организмов. “Дела Географического общества, какие разворачиваются в Москве под руководством И.Ю. Крачковского, приняли такой оборот, что по приезду в Ленинград я намерен отказаться от звания президента. Теперь фактически во главе ГО стоит некий А.И. Андреев, относящийся ко мне недоброжелательно... Он захватил в свои руки... редакцию Известий ГО. ...Я бы мог доставить много материалов для журнала, но ко мне никто за таковым не обращался... Юбилейные дела ГО тоже весьма огорчительны. ...Очень мне хотелось бы почитать первый том Истории Древней России”.

Вернадский – Бергу: «30 мая 1944 г. Дорогой Лев Семенович. Очень меня огорчило Ваше письмо. Но думаю, что Вы несправедливы к тем лицам, с которыми Вам пришлось столкнуться. Но имейте в виду, то, что происходит в Географическом обществе, я вижу и в Академии наук... Конечно, интрига и донос на Вас Келлера и Баха, морально низких людей, лишило Вас на некоторое время, я в этом не сомневаюсь, быть членом Академии Наук.

В газете “Правда” 12 января 1939 г. была статья “Лжеученым нет места в Академии наук”, подписанная девятью биологами, в том числе академиками А.Н. Бахом и Б.А. Келлером, которая имела характер политического доноса на биологов – кандидатов в академики Л.С. Берга и Н.К. Кольцова.

Но сейчас меня чрезвычайно тревожит глубокое падение Академии наук в то самое время, когда мы должны расширить научную работу. ...Я думаю, что Вы несправедливы к Вашим противникам, как к ученым и как людям высокой морали. Как раз случилось так, что два лица из трех, о которых вы пишете, являются крупными учеными в разгаре сил, и которых я знаю много лет очень близко. Это Андреев и Крачковский. Оба потерпели и выяснилось, что они не при чем.

Отчасти это все связано с тем, что география такая наука, которую никто не может объять целиком в настоящее время. Время Риттера и Гумбольдта не может вернуться. Как раз все три, Вы и эти два лица, работаете в разных отделах географии. Общая для всех вас только та дисциплина, история науки (географии), которая одна недостаточна для того, чтобы быть президентом... Но я считаю, что сейчас на первом месте должны быть

геолого-географические науки. ...Мне кажется, что следовало бы поднять вопрос о юбилее Географического общества».

«18 августа 1944 г. Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович. Наконец, по-видимому, и мы покидаем Боровое. ...Недавно мы получили № “Почвоведения” 1944 с Вашей статьей. Как всегда я прочитал ее с высочайшим интересом».

“22 сентября 1944 г. Дорогой Лев Семенович. Получил Ваше письмо, написанное перед отъездом из Борового. ...Поднимается здесь вопрос о подготовке к столетнему юбилею В.В. Докучаева в 1946 г. Вчера у меня были по этому поводу Арс. Ярилов и Л.И. Прасолов. Оказывается, что Архив В.В. Докучаева хранится в Ленинграде. М.б. Вас не затруднит зайти и посмотреть, что это за архивы. Я думаю, что фигура Докучаева такая большая, что юбилей должен быть проведен как следует. Как Вы думаете?”

«28 сентября 1944 г. Дорогой Владимир Иванович. Вчера получил ваше письмо от 22.9. Посетил Архив АН и ознакомился с архивными материалами Докучаева и Отоцкого (*геолог и почвовед*). И те и другие представляют большую ценность. В архиве Докучаева имеется ряд записок и проектов этого ученого, доселе, как мне известно, не опубликованных. Главную ценность представляют письма от 109 корреспондентов, среди которых 33 Ваших письма за 1888–1897 гг. ...Все это такое богатство, которое вполне заслуживает разработки. Было бы желательно, чтобы кто-нибудь из почвоведов ознакомился с архивом Докучаева и опубликовал наиболее важные документы... Докучаев был не только замечательным почвоведом, но и выдающимся географом. Я написал об этом в “Почвоведении” 1939, №2. Юбилей Докучаева несомненно надо отметить».

...О делах Географического общества не могу Вам сообщить ничего утешительного. Поведение Крачковского здесь в Ленинграде таково, что оно вынудило меня сложить с себя звание президента Общества. Общество готовится к 100-летию юбилею, но теперь оно пришло к полному развалу – соединенными усилиями Крачковского и Андреева. Об аморальных поступках последнего я расскажу Вам в Москве... несканно сожалею, что имел неосторожность согласиться быть президентом общества. Кроме неисчислимого количества неприятностей для меня из этого ничего не получилось».

14 ноября 1944 г. Берг пишет о своих впечатлениях от книги сына Вернадского, о том, что она многим интересна. “9 декабря 1944 г. Дорогой Лев Семенович. В Вашем письме о книге моего

сына от 14.11. Вы ничего не пишете с физико-географической точки зрения о его работе. Насколько даваемые им карты отвечают современному состоянию науки. ...Мне кажется, что географические карты Евразии зональные, может быть, не отвечают современному состоянию. М.б. Вы мне дадите названия книг, где эти карты помещены и новейшую литературу, в т.ч. и Вашу книгу”. Сообщает и об отзывах на книгу сына из разных мест и спрашивает: “Как обстоит дело с историей Географического общества? С столетним его юбилеем? Было бы желательным предпринять для всего нашего Союза географический словарь типа Семенова-Тянь-Шанского”.

В небольшой ответной открытке от Берга: «Дорогой Владимир Иванович. Сегодня получил Ваше письмо от 9 дек. В книге Георгия Владимировича с точки зрения физической географии все правильно. Карты не вызывают никаких возражений с моей стороны (частью они заимствованы из моей “Природы СССР”). Я обратил внимание историков Ленинградского ун-та на книгу Г.В. и они пользуются ею, и очень хвалят».

Переписка А.А. Григорьева с В.И. Вернадским имела как организационный так и научный характер, о чем недавно подробно рассказано [2]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Григорьев высылал Вернадскому новые журналы и статьи, книги из библиотеки Геоморфологического института, консультировался с ним о новых методах опытного изучения географической среды. В 1937 г. В.И. Вернадский откликнулся на статью А.А. Григорьева “О химической географии”.

Письма В.П. Семенова-Тян-Шанского (Ф. 518. Оп. 3. Д. 1479; 7 писем 1916–17 гг. и 1937 г.). В октябре 1916 г. В.П. Семенов-Тян-Шанский просит В.И. Вернадского прислать экземпляр программы и заседаний КЕПС с его заметкой о картографии и статистике, пишет свои впечатления о некоторых делах и людях. В апреле 1917 г. в большом письме Вернадскому как председателю комиссии по вопросам о научных учреждениях: “...позволю себе обратить Ваше просвещенное внимание на бывший доселе бюрократизм наших научных учреждений, которому не место быть в новой России. Этот бюрократизм особенно сказывался в вопросе об ученых степенях. Представьте себе, что ни один из корифеев русской географической науки, как-то: мой покойный отец (проживший 87 лет), И.В. Мушкетов, А.Ф. Миддендорф, С.Н. Никитин, В.В. Докучаев и многие др. – не были почетными докторами географии, а в то же время какой-нибудь Лесгафт, написавший прямо срамную диссертацию...–

доктор географии. Нельзя ссылаться здесь и на молодость географических университетских кафедр..., т.к. каф. общей географии учреждена в середине 1880-х годов, т.е. более 30 лет назад, а доктора и магистры физической географии в России существовали еще и в 1870-годах, т.е. более 40 лет тому назад, в расцвет деятельности старейших из наших вышеупомянутых географических корифеев. Точно также первым ординарным профессором географии был сделан в здешнем университете в 1880-х годах шарлатан Петри вместо мировой географической знаменитости А.И. Воейкова. Дальше, мой покойный отец-патриарх русской статистики, представитель первых международных и русских статистических конгрессов, в которых родилась под его крылом наша знаменитая земская статистика, не был почетным доктором статистики, ... Это называется согласованностью научной мысли". В.П. Семенов-Тянь-Шанский приводит еще много примеров из своей жизни о бюрократии в России.

В феврале 1934 г. как директор Географического музея В.П. Семенов-Тянь-Шанский просит В.И. Вернадского "вернуть с Вашими замечаниями проект обращения советских ученых по Центральному географическому музею на имя А.С. Енукидзе и С.М. Кирова. Проект необходимо немедленно перепечатать и с Вашей окончательной подписью отослать по назначению". В августе 1934 г.: "Вашу брошюру по задачам геохимии я прочел с величайшим интересом и показал еще двум находящимся здесь профессорам, которые ею чрезвычайно заинтересовались".

Письма Ю. М. Шокальского. (Ф. 518. Оп. 3. Д. 1877; 5 писем за 1927–1936 гг.). В 1930–31 гг. Ю.М. Шокальский высказывал пожелание о совместных работах, в частности, об исследованиях радиоактивности (по предложению Вернадского) при обработке океанографических материалов экспедиции на Черном море, сообщал о том, он будет использовать в своем новом практикуме по океанографии статью Вернадского об углекислоте в природе. В июне 1936 г. благодарил за поздравление с 80-летием: «Вы пишете: “боюсь что мое письмо опоздало” – сего быть не могло; когда чувства добрые к Вам ни пришли, они всегда, всегда желанные; всегда приносят – бодрость, силы, чувства радости, уверенность, что и до сих пор вы шли – приличную стезею. За все за это благодарю от всей души».

Письма В.Ю. Визе. (Ф. 518. Оп. 3. Д. 328; 9 писем за 1931–1941 гг.). В январе 1931 г. по просьбе В.И. Вернадского В.Ю. Визе отправил ему сборник с картой полярных станций в СССР, где были

как действующие станции, так и предполагаемые к открытию в 1932 г. и в следующие годы. В сентябре 1940 г. Визе как ответственный редактор журнала "Проблемы Арктики" просил Вернадского написать "небольшую статью или заметку о значении сбора в полярных странах, особенно в центральной части Полярного бассейна, космической пыли. Статья привлечет к этому вопросу внимание полярных исследователей и т.о. вопрос о сборе с полярных льдов космической пыли и дальнейшем ее изучении – вопрос, который уже неоднократно выдвигался Вами, наконец, будет сдвинут с мертвой точки". Статья "О необходимости организованной научной работы по космической пыли" вышла в № 5 журнала за 1941 г.

Письма Г.И. Танфильева. (Ф. 518. Оп. 3. Д. 1609; 4 письма за 1891–1928 гг.). В двух письмах 1927 г. Г.И. Танфильев высоко оценивает роль В.И. Вернадского: "Дорогой Владимир Иванович. Вечер 15 января, проведенный у Вас в дружеской беседе со старыми докучаевцами, навсегда сохранится у меня в благодарной памяти, как и только что полученное дружеское Ваше письмо. ...Творчество нашего Вернадского, создающего новый отдел знания ...заставляет сильнее биться мое сердце от сознания, что вот мощный Олимп русской науки украшается еще одним именем, которое будет в истории упоминаться рядом с именами Ломоносова, Мечникова, Менделеева и многих, многих других".

«То, что смутно бродит в умах, в Вашей мысли всегда удивительно отчетливо кристаллизуется. Так ведь возник КЕПС, ярко выступила биосфера и геохимия; Вы же первый обратили внимание на "рассеяние" химических элементов, а в самое последнее время Вами создано две новых комиссии о четвертичном периоде и по истории знаний. И все эти "взрывы" творчества дают массу новых, захватывающих идей».

Письма Г.Н. Высоцкого. (Ф. 518. Оп. 3. Д. 378; 6 писем за 1918–1939 гг.). В августе 1918 г. Г.Н. Высоцкий поздравляет В.И. Вернадского "с честью назначения его Президентом Украинской Академии наук" и посылает книжки, которые получил от председателя Лесного отдела. В октябре 1920 в маленькой записке просит вернуть книгу Г.Ф. Морозова "Основания учения о лесе", чтобы передать книгу в пользование студентам-агрономам.

В августе 1935 г., видимо, благодарит Вернадского за его поздравления со своим 70-летием "Спасибо, спасибо, глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович. Дайте сосредоточиться: напишу побольше. Очень слаб стал: не всем дано

долго сохранять полную жизненность до высокого возраста”.

10 февраля 1939 г. «Большому академику от маленького (маргаринового). *Высоцкий был академиком ВАСХНИЛ*. Приношу Вам большую благодарность за Вашу память обо мне, выраженную в присылке мне Ваших двух оттисков, касающихся животрепещущих вопросов коллоидного почвоведения. Я не писал Вам тотчас по получении первого (русского) оттиска, потому что сам находился в состоянии зарождения своего нового произведения “О гидрологическом и климатическом влиянии лесов”. ... как видите, пока еще плохо, хотя здоровьем очень плох... Еще я написал статью ... и послал ее в почвоведение, посвятив памяти В.В. Докучаева”.

Письма Л.И. Прасолова. (Ф. 518. Оп. 3. Д. 1320; 18 писем за 1914–1944 гг.). В декабре 1938 г. Л.И. Прасолов: “очень благодарен за присылку оттиска Вашей весьма важной для нас почвоведов статьи”. В 1940 г. от имени Всесоюзного общества почвоведов АН СССР Л.И. Прасолов приглашает Вернадского в Дом ученых на вечер, посвященный памяти В.В. Докучаева и надеется, что тот примет участие в заседании и поделится своими воспоминаниями о В.В. Докучаеве.

В мае 1941 г. Прасолов пишет о желательном участии Вернадского в работе редакционного совета “Почвоведения” – “будем рады всякому Вашему совету... Для нас была бы наиболее желательна тематика по вопросам биосферы в том широком аспекте, который предлагаете Вы”. 4 января 1944 г. Прасолов просит Вернадского для журнала “Почвоведение” № 3 дать какую-либо общую вводную статью о биологических элементах почв, на что Вернадский отвечает: «Я хотел бы поместить небольшую статью ... примерное заглавие “Значение почв в процессе эволюции видов (в связи с работами Холодного)”».

Завершая рассказ о письмах некоторых географов, позволю себе предположить, что еще немало неизвестного таится в неопубликованной переписке Владимира Ивановича Вернадского, что могло бы способствовать дальнейшему познанию широты спектра интересов величайшего ученого-естествоиспытателя XIX–XX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов Л.С.* Значение идей В.И. Вернадского для современной географии // Изв. АН СССР. Сер. географ. 1988. № 4. С. 5–16.
2. Академик Андрей Александрович Григорьев. Жизнь и научное творчество (1883–1968). М.: Изд-во КМК, 2011. 416 с.
3. *Берг Л.С.* Значение трудов В.И. Вернадского для географии // Изв. ВГО. 1946. Т. 77. Вып. 1–2. С. 22–37.
4. *Вернадский В.И.* Страница из истории почвоведения (Памяти В.В. Докучаева) Научное слово. 1904. № 6. (Очерки и речи. Вып. 2). 24 с.
5. *Вернадский В.И.* О ближайших задачах Комиссии по изучению производительных сил России. Петроград, 1915. 15 с.
6. *Вернадский В.И.* Об изучении естественных производительных сил России [Долож. в заседании Физ.-мат. отд. 8 апр. 1915 г.]. Петроград, 1915. С. 679–700.
7. *Вернадский В.И.* Из прошлого (Отрывки из воспоминаний об А.Н. Краснове) // Профессор Андрей Николаевич Краснов (1862–1914). Харьков, 1916. С. 96–113.
8. *Вернадский В.И.* Памяти А.Н. Краснова // Природа. 1916. № 10. Стб. 1177–1184.
9. *Вернадский В.И.* Об организации топографической съемки России // Изв. АН. 1917. С. 843–849.
10. *Вернадский В.И.* Дневники. 1926–1934 годы. М.: Наука, 2001. 455 с.
11. *Вернадский В.И.* Дневники. 1941–1943 годы. М.: РОССПЭН, 2010. 541 с.
12. *Вернадский В.И.* Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. 336 с.
13. *Вернадский В.И.* Статьи об ученых и их творчестве. М.: Наука, 1997. 363 с.
14. *Глазовская М.А.* Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) // Отечественные физико-географы и путешественники. М.: Просвещение, 1959. С. 576–594.
15. *Забелин И.М.* Развитие географической мысли и В.И. Вернадский: К 120-летию со дня рождения // Вопр. истории естествознания и техники. 1983. Вып. 1. С. 120–126.
16. Из переписки А.Н. Краснова. Письма А.Н. Краснова к В.И. Вернадскому 1888 г. // Профессор Андрей Николаевич Краснов (1862–1914). Харьков, 1916. С. 114–132.
17. *Личков Б.Л.* Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М.: Изд-во МОИП, 1948. 103 с.
18. *Саушкин Ю.Г.* Значение трудов В.И. Вернадского для географии // Географическая наука в прошлом, настоящем и будущем. М.: Просвещение, 1980. С. 175–181.
19. *Скрынникова И.Н.* О переписке В.В. Докучаева и В.И. Вернадского // Научное наследство: Естественнoнауч. сер. М., 1951. Т. 2. С. 745–855.
20. Страницы автобиографии В.И. Вернадского / Сост. Н.В. Филиппова. М.: Наука, 1981. 349 с.
21. *Тер-Оганесов Я.Г.* В.И. Вернадский и география // Природа. 1969. № 9. С. 91–94.

**Vladimir vernadsky and geographers
(Selected passages from Correspondence)****T. D. Alexandrova***Institute of Geography, Russian Academy of Sciences*

Some unknown aspects of activity of V.I. Vernadsky, its scientific communication and cooperation with prominent geographers are shown. The basis of this article was Vernadsky correspondence preserved in the archives of the RAS. Excerpts from letters or a summary of their contents add small new touches to the biography of the great scientist. The correspondence of Vernadsky with D.N. Anuchin (in 2013 the 170th anniversary is celebrated), L.S. Berg, A.A. Grigoriev (130th anniversary), A.N. Krasnov (150th anniversary in 2012), V.V. Dokuchaev (110th anniversary of his death) is considered, as well as the letters by V.Yu. Vize, G.N. Vysotsky, L.I. Prasolov, V.P. Semenov-Tyan-Shansky, G.I. Tanfiliev, Yu.M. Shokalsky.